

Евгений Скрапинов

Антоха и Анимоха

Евгений Скрапинов

Антоха и Анимоха

«Издательские решения»

Скрапинов Е.

Антоха и Анимоха / Е. Скрапинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854487-3

Книга «Антоха и Анимоха» — моя дань безумию и беспамятству. Она настолько необычная, что даже «интересной» ее назвать будет слишком просто. Как и про главного героя ее, протеза-трикстера Анимохи, про эту книгу невозможно почти сказать хоть что-то определенное. Почему так? Я не бросаюсь словами, сами увидите. В мире Анимохи, строго фаталистичном, к слову сказать, нет ничего твердого и постоянного.

ISBN 978-5-44-854487-3

© Скрапинов Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Введение – мы приступаем к попытке понять Анимоху	6
Анимохин подход к искусству	10
Анимоха: по касательной	12
Мысли анимохи в заключении	18
Понимал ли Анимоху Падицшах	20
Разоблачения Анимохи	25
Анимохина неподкупность и прямолинейность	28
Попытаемся найти с нашими героями общий язык	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Антоха и Анимоха

Евгений Скрапинов

© Евгений Скрапинов, 2024

ISBN 978-5-4485-4487-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Введение – мы приступаем к попытке понять Анимоху

– Это ты называешь «любить всем сердцем»? Да что ты тогда понимаешь в чувствах? Многому ли ты научился? Вот и закрой рот, пока тебе его не закрыли принудительно. Я могу так в день по человеку находить. В таком виде я каждому зубы заговорю. Че-то носом кровь идет: не к добру. Видимо, ударили. Такая боль. Кто, кому я мог понадобиться? Что я наделал? Главное: что наделал?

ЭТО АНИМОХА ПРИХОДИТ В СЕБЯ НА ПИРУ У ПАДИШАХА. НАМ НЕ УДАЕТСЯ НАСТРОИТЬ ПРИЕМНИК МЫСЛЕЙ НА БОЛЕЕ УДАЧНУЮ ЧАСТОТУ.

– Чего она бежит, эта ярко-красная жидкость. Да, остановить ее будет непросто. Да и к чему приведет попытка помешать естественному процессу? Не находишь ли ты сам в своих рассуждениях чего-то странного? Какое-то пренебрежение элементарным здравым смыслом. Кто так знакомится? А с чего ты взял, что я сейчас кем-то знакомлюсь?

Теперь мы с Вами должны определиться: кто за кого отвечает? Я уже сделал кое-какие выводы. Сегодня мы снова свидетели. Чего – я сам пока не понимаю. Значение настоящего прояснится, когда это настоящее станет прошлым. Не обманывай себя сейчас, и уже так отчасти будешь прав. А может, иногда можно и себя обманывать. Тот, у кого нет чувства юмора, не может подолгу себя обманывать, ему это кажется дурным вкусом. Я знаю, что ты совершил ошибку. Запомните одно: я буду дразниться. Я не хочу тебе зла. Искренни ли вы со мной? Я-то сказал искренне. Я не понимаю, зачем человеку так себя вести. Месяцами во всем себе отказывать. Нет, чувство того, что у них есть деньги, сообщало им силу. А деньги исчезли. Раньше я много чего умел, теперь разучился начисто. Я так мечтал об этой встрече.

Если не притворяться, так и выглядит наше мышление постоянно, сейчас ты просто отдаешь себе отчет в том, что думаешь. Слова в голове ускорились.

– Стоп, подойди-ка сюда: поговорим.

Анимоха отвечает: что ты хотел?

Падишах: я хочу обсудить с тобой Амнезию. Что мне делать с этими текстами, уничтожить, что ли. А представь, писатель напишет книгу и станет угрожать главе государства, что ее уничтожит.

– Нет, это скорее глава государства потребует у него взять свои слова назад. Я буду, как могу, защищать слабых.

– Зачем тебе это?

– Мне их жалко.

– Ну, так и говори, зачем снова выдумываешь?

– У меня многое вылетело из головы. Говори понятнее, – сказал Анимоха.

Падишах ответил: Анимоха, сам-то подумай. Я говорю путано, чтобы нас не поняли посторонние. Тебе известен шифр? Анимоха, если ты совершишь открытие, то я обещаю тебе пожизненное содержание и некоторые политические свободы и гарантии. Сможешь говорить в моем государстве открыто. Пускай никто не понимает: я-то тебя пойму. Ты будешь освобожден от участия в военных действиях. Если захочешь, – продолжал Падишах, – я могу обеспечить тебе место в рядах армии, есть интерес – могу ознакомить тебя с военным делом. Хотя я, если честно, хотел бы видеть тебя на фронте санитаром – это так человеколюбиво и благородно. Другое дело, я боюсь, что вид страданий твоих соотечественников сведет тебя с ума. И тебе тогда, возможно, действительно придет в голову принять непосредственное участие в военных действиях.

– Как же ты проницателен, – сказал Анимоха, – просто диву даешься. Да ты что, думаешь, я тебе поверил? Как ты реагируешь на мои мысли?

– Мне обидно, – сказал Падишах, – я все-таки считаю, что ты всегда был в итоге за меня. Я тебя никогда не боялся. Не точил на тебя нож. Все для тебя делал. Что же ты мне тогда предлагаешь?

Анимоха круто развернулся и широкими шагами пошел прочь. Падишах оторопел.

«Никогда, – сказал он себе, – не было в моей жизни момента, больше подходящего для откровенности. Я сказал ему то, что давно уже у меня на сердце. И что же, как он отреагировал?»

Падишах поднял с земли камень и принялся внимательно его разглядывать.

«Что, погадать, что ли, на камне? – спросил он самого себя – Да ну, что за выходки. Просто отвлекся, вот зачем я его взял. Или мне все-таки хочется погадать? Черт его знает. Сам себя не пойму. Никогда в жизни не гадал всерьез, а тут вдруг захотелось. Но поверю ли

я результатам? Сам не знаю. Смотря, наверно, как будет выглядеть откровение. Какой-нибудь бессмыслице легко поверить. Ведь она может означать что угодно».

«Брось чертов камень», – подсказывал ему голос здравого смысла. «Почему, – шептал себе под нос Падишах, медленно идя вдоль набережной, вот именно, медленно бредя вдоль набережной. – Почему в нашем обществе таким уважением пользуется наука? Что в ней такого хорошего? Я вообще не вижу ничего хорошего в этом техническом прогрессе. Не приписывайте мне примитивного гуманизма».

– Что я там вижу? – спросил он Анимоху, так же рассеянно прогуливающегося по берегу реки.

– Что ты там видишь, я тебе сказать не могу, так как не знаю, куда ты смотришь. Если в прошлое, то там у тебя одни ошибки. Будущее твоё мрачно и неопределенно. Я хочу заявить тебе: мне стыдно оставаться твоим подданным, ясно? Я могу опубликовать нашу с тобой переписку.

– Хватит жаловаться, – сказал Падишах, у которого сегодня на языке крутились отчего-то самые возвышенные выражения. Ты хоть знаешь, презренный, от сколького я вынужден отказаться? Ты не помнишь, что по законам нашей страны я вообще могу попрекнуть тебя происхождением. Я всегда закрывал глаза на тот факт, что ты иноземец. Ты прослыл шпионом, и я неоднократно замечал, что ты за мной исподтишка наблюдаешь. Возможно, ты собрал уже на меня кучу компромата. Да вот только не учел ты вот чего: Анимоха, я ведь не скрываю ничего ни от себя, ни от окружающих! Факты, которые ты собрал, повредят моей репутации не больше, чем календарь с моим портретом. Я так скрытен только потому, что недолюбливаю публичность. Вот и все, только не пойми, что мой выбор, по моему же мнению, продиктован скромностью. Я сам понимаю, что ты сейчас мне скажешь, но не открывай рта, не затрудняй себя. Вместо того, чтобы произнести какое-нибудь ругательство или грубость, давай-ка подумаем, что нам теперь предпринять. Сейчас за мной должны приехать.

– Кто же? – вдруг испугался Анимоха.

Анимоха и не думал, что встретит здесь Падишаха. Перспектива поехать куда-то утратила его. В последние дни он был так деморализован, что начал подумывать о возможном заключении под стражу. Стремление к самовыражению ни к чему хорошему не приводит.

«Уж не считает ли он меня своим двойником? Что если так? Зря, конечно, я начал за ним подглядывать. Теперь думает, что я собираю на него материалы. А что, я мог бы».

Последние три мысли Анимоха, забывшись, произнес вслух.

– Какие же у нас запутанные взаимоотношения, вздохнул Падишах. Черт возьми, какие запутанные. Этот тип позволяет себе черт знает что, говорит, как будто не со мной. Повернулся к вышестоящему боком – и делает вид, что это в порядке вещей. Делает вид, что я не замечаю. Ну что же, проучу негодного!

С этими словами Падишах подошел к Анимохе и ударил его в скулу.

– Никогда не поднимал руку на слабого? А если этот слабый позволяет себе слишком многое? У тебя вообще что ли совесть отбило? Стыдно, братец. Я не намерен на этот раз тебя прощать, пока публично не извинишься. Публично, при большом скоплении народа. Я действительно собираюсь поддержать тебя под стражей. Сейчас ты, поди, хочешь бросить мне в лицо оскорбление типа «тиран», вместе с тем сам понимаешь, как глупо и комично это бы выглядело. Предлагаю тебе одуматься. Даже у самого умного и спокойного человека терпение рано или поздно лопнет. Ты имел смелость переполнить чашу моего терпения, – вскричал Падишах, – это тебе даром не пройдет!

Тем временем (а времени прошло совсем немного) Анимоха, приходя в себя от удара и потирая скулу, трусливо рассуждал:

«...Удар, первый удар, и сразу по лицу. Вот и началось. Теперь будет бить. Это вам не игрушки. Один раз смел – теперь так и пойдет дальше. Но я еще и потерял в его глазах честное имя. Только бы не заговорить снова вслух. В последние дни, вспомнил Анимоха, я часто говорю вслух то, что думаю. Это опасно». Да вот в чем беда. Если сейчас он заговорит вслух (а он **УЖЕ ГОВОРИЛ ВСЛУХ!**) **ОН ВООБЩЕ ПРОБЛЕМ ПОТОМ НЕ ОБЕРЕТСЯ!**

Ведь у Анимохи в последнее время на самом деле начались нелады с головой. Падишах всегда затруднялся сказать, насколько Анимоха серьезен. Их дружба основывалась на недосказанностях. Падишах не хотел казаться Анимохе коммерсантом. Но Анимоха всегда, в шутку и вроде бы даже всерьез говорил (шутка серьезна потому, что вообще произносится – все что произносится все реально и серьезно!) что считает его дельцом. Это было очень обидно. Падишах гордился отсутствием у себя особого сребролюбия. И всегда по первой просьбе оплачивал все Анимохины прихоти!

Ладно, хватит пока про них, лучше послушаем, что они нам сами расскажут. Ну, вот что говорит Падишах:

– ... не хочу есть то, что подают при дворе. Чувствую, дойдет так и до отравления. Думаешь, нет?

Да, наши знакомые снова стали закадычными друзьями. За рассуждениями мы и пропустили момент примирения. Может, это уже вообще другой день, мы перенеслись во время до этой ссоры? Нет! Смотри на красное пятно во всю щеку у Анимохи. Время от времени он прикасается пальцами правой руки к своей подбитой скуле. Падишах в такие минуты прячет глаза. Мы понимаем, что их внешнее перемирие – очередное затишье перед бурей, но кто знает, сколько продлится штиль?

– Сейчас я могу сказать, – говорит Падишах, – что мой организм постепенно перестает усваивать некоторые органические вещества. Видимо, повара что-то мне подсыпают, не думал? Что-то вообще странное с восприятием происходит. Вкусовые ощущения меняются.

– Да уж, – отвечает Анимоха. – Если уж такое началось, не знаю, что тебе и посоветовать. Слушай, давай хотя бы пока сменим тему.

И впрямь, Анимоха понятия не имеет, что сказать по этому поводу. Он уже давно подметил, что и с Падишахом что-то не то. Но эти изменения он приписывал самому себе, дескать, изменяется не Падишах, но его восприятие Падишаха. Нет, это не так.

Анимохин подход к искусству

А вот что произошло за год до описанных событий.

«Неужели вещи однажды уничтожат людей? Во мне все-таки много агрессии» – рассуждал Анимоха, сидя возле своего дома в траве в ожидании Падишаха.

Соображает он быстро, но не по теме. За рулем считает деревья, или ворон. На знаки обращает мало внимания: так охарактеризовал Анимоху врач, когда тот, было, попытался устроиться к Падишаху водителем.

Никто не знает, как Анимоха проводит большую часть времени. Может, рисует? У него есть привычка рисовать на песке и уничтожать нарисованное, пока не увидел никто. Он о своей привычке никому не рассказывал. Однажды подсмотрели с самолета, как на песке отдаленного пляжа Анимоха нарисовал, вернее, высыпал, огромную человеческую фигуру. Пилот самолета рассказал об увиденном в городе, и по приказу Падишаха на пляж выслали двух агентов, которые никакой фигуры не обнаружили. Выяснилось, что Анимоха исчез из города. Никто не знал, куда именно. Сомневаться в правдивости показаний пилота не приходилось. Анимоха появился через сутки, обросший и безумный.

– Где ты пропадал?

– Я ничего не помню.

С того дня и появилась эта необычная вялость. Анимоха стал забывчивым. Все поняли: он не хочет, чтобы люди ждали от него еще песчаных фигур. Падишах считал, что Анимоха будет изготавливать новые фигуры из песка, если только об этом не будут говорить на каждом шагу. Только в случае, пусть и мнимой, анонимности, он возьмется за старое. Все понимали, что если Анимоха будет знать, что все от него чего-то ждут, то скорее умрет, чем оправдает ожидания.

Одно дело он всегда делал дважды. Никто не мог понять, как ему удается удваивать время. Начав одно дело, он заканчивал два, причем одинаковых. Потом, ходили слухи, что он может определить вкус еды, даже на нее не посмотрев. В это не все верили

– Только экспромт, – говорил он. Ни за что не буду даже перечитывать то, что начертал на этих бумагах.

Многое у него растащили гости. Его статус в государстве был неопределенным. Власть, по крайней мере, мирская, его не интересовала. С одной стороны, он ничем официально не занимался, но с другой у него был все-таки какой-то доход. Периодически он попадал под стражу и содержался в заключении. Но подолгу – никогда. Что же он совершал противоправного, не знали даже сокамерники.

– Если хотите знать, я бы и не ел сладкое, говорил он, сладкий вкус у меня далеко не любимый. Сладкое стимулирует деятельность мозга, вот и все.

Вместе с тем, никто не осмелился бы назвать Анимоху «платным интеллектуалом» а-la Шерлок Холмс. Эта английская, математическая мирская интеллектуальность ему была совершенно чужда. Да уж, вот уж чего он не переносил, так это оплаченных интеллектуалов, не важно, штатские они или гражданские.

В любом мирском споре он брал сторону очевидно неправого, и с ожесточением совершенно всерьез его защищал, пусть даже совершенное преступление было отвратительным по любым меркам. За это Анимоху даже немного побаивались: при том, что он считался образцом честности, такую честность понимать многие просто отказывались.

Будь ты трижды нравственным, если сектанты убьют и сожгут твоего ближнего, ты не имеешь права их оправдывать. Черт с ним, не наше с вами дело обсуждать его нравственный облик.

Глядя в зеркало или на фото, человек ищет у самого себя поддержки. Он взыскует поддержки. Это очень непросто понять, если честно.

– Анимоха, чего ты все время смотришь в зеркало?

– Хочется убедиться, что я еще не исчез.

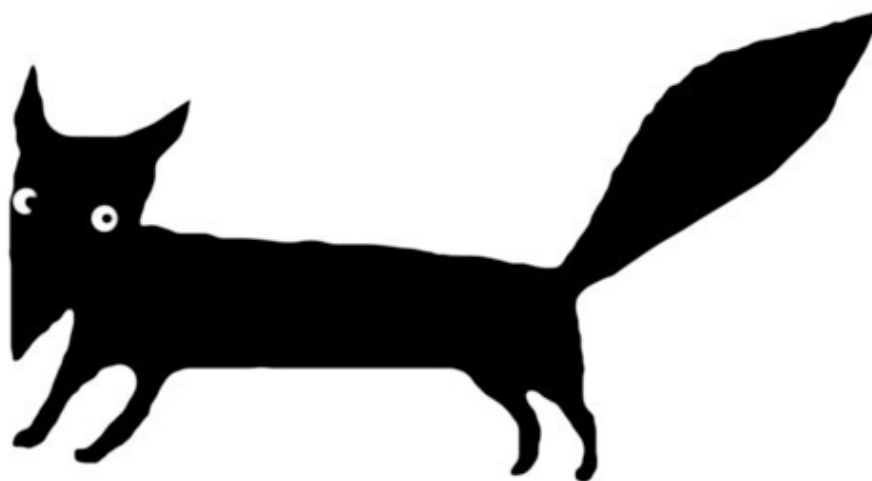
Анимоха: по касательной

...Миф помогает понять, что ты действуешь не один. Миф именно поэтому не абсурден, что мы понимаем: герой мифа действует не один (кто-то с ним согласен, его действие это повторение, и одновременно образец, рассчитанный на последующее повторение).

Надо слить все мифы в одно. Или вообще не создавать новых мифов, примкнуть к старым

В прошлый раз мы узнали про Анимоху много нового. В каком порядке о таком человеке говорить? С начала, с конца? Неважно. Читай хоть в обратном порядке, хуже не будет.

Проще и понятнее написать не получится. Не следует понимать дело так, что, мол, замалчивание – признак презрения или неуважения.

Ладно, сменим тему. Что мы вынуждены прибавить к характеристике Анимохи из одной из предыдущих глав?

Приди в себя, брат, что это за ажиотаж! Сколько всего наговорил! Рокер тоже спрессовывает чувства в диких и коротких соло, например на барабанах. Время ритма – профанное, время сбивки – сакральное. Одна сбивка не должна походить на другую. Рисунок барабанов, мне кажется, я смог бы понять. С чем работает барабанщик? Да, вот это я понимаю: Анимоха когда-то мечтал стать барабанщиком. Не все понимают, что он вправду понимал, то есть как его следовало понимать, когда он громко говорил:

– Да, в свое время этот человек хотел стать барабанщиком. Как его следовало понимать?

– Ты чего там такое выдумал, оголтелый, – спрашивал его Падишах.

Потом воцарялось молчание. Ну и фразочка, извините, конечно. Сейчас можно много наговорить, тут другой вопрос: нужно, чтобы был смысл, чтобы ясна была картина. А когда картина, так скажем, фрагментарна и разнородна, совмещает целый ряд самых нелепых противоречий... такая ведь сейчас вселенная. И в сознании образуются зазоры. Через эти зазоры в сознании мы, конечно же, и замечаем Анимоху и Падишаха, и их деятельность. Чем они занимаются?

Тот, кто краткое Я хочет разделить на две буквы, конечно, не страдает от излишней скромности. Выставлять на всеобщее обозрение свой портрет или фото – это все равно что давать окружающим понять, как любишь свое тело (лицо). Интересно, насколько каждый из нас любит свое тело? Анимоха ненавидел собственное тело. Он считал тело своим рабом и считал ниже достоинства идти у раба на поводу. Каждое физиологическое желание, и чувство, даже

каждое действие он считал неприемлемым. Даже Боль ему не нравилась – самое возвышенное из физиологических чувств, чувство, сообщающее наиболее интенсивные ощущения! То есть, мазохист находится в высшей стадии самого себя – вот к чему он стремится! Достигнуть наибольшей интенсивности. Анимоха чуждался и этого.

Ну а что скажем об его отношении к холоду и жаре? Скажем, одевался он всегда более или менее одинаково. Даже на охоту он одевался очень строго. Мало кто понимал, почему он придает такое значение официальному костюму.

Вот как выглядела типичная беседа Анимохи и Падишаха.

Падишах:

– Анимоха, какую тему мы сегодня обсудим?

– Как – какую тему? А не приходит ли тебе в голову, что тема должна рождаться сама собой? Почему бы не предположить подобного?

Тут Падишах говорит Анимохе:

– Не ты ли мне вечно твердишь, что давно устал от таких иллюзорных представлений, как спонтанность. Ты сказал, что давно пора признать полную несвободу воли. Чем больше мы проговариваем, сказал ты, чем больше мы вслух проговариваем-регистрируем свои ощущения, тем самым снова вводя себя в заблуждение (а разве речь вслух, да и про себя, это не введение себя в заблуждение?), и тем больше мы подтверждаем свою несвободу. Ты, Анимоха, давно уже и меня сманиваешь в свой лагерь противников свободы воли. Все будет как-то, но это обеспечивает не будущее, а прошлое, по твоим словам получается.

– Что-то ты заговариваешься. Ничего подобного я тебе не предлагал. Не слушайте его: он прикалывается.

Никто не слышал еще от Анимохи подобной фамильярности. На людях с Падишахом он был подобострастен. Наедине – вел себя неприступно. Всем в глаза бросался этот контраст. Все понимали, что не обычный страх или раболепие заставляют Анимоху вести себя с Падишахом так странно. Скорее уж тут заподозрили бы издевку, но все знали, что такой упертый тип, как Анимоха, и издеваться не станет: издевка – земное, сугубо земное, а все сугубо земное Анимоха презирал.

Единственно достойное Анимохи объяснение такое: он был безумен, только безумие может заставить человека вести себя до такой степени дико.

Хорошо. Падишах это терпел, побаиваясь своего товарища.

«Никто не знает, что у него в голове. Полбеда, что ненормален, беда, что при этом буен. Что ему придет в голову в ближайшую минуту. Да уж: опять балуется бритвой. А если на меня кинется: хватит ли у меня сил его обезвредить? Народ его тоже любит: в темницу его не заточишь. А не повредило бы!»

– Анимоха, хочешь в тюрьму?

– Как Вашему превосходительству будет угодно...

– Опять паясничаете, а не подумал ли ты, подлец, что я говорю всерьез? Да у меня из-за тебя вообще никакой жизни нет, не то, что личной. Так я скоро стану как твоя тень!

– Не преувеличивайте, – закричал Анимоха. – Я устал уже Вас слушать: помолчите, сделайте одолжение.

– Может еще и денег тебе одолжить?

Вот в каких спорах проходили их дни. Но ничего не менялось. Анимоха хотел одного – покоя. И покой он завоевывал любой ценой. Ввязывался в любую склоку, говоря, что чем раньше она закончится, тем скорее наступит состояние покоя.

– Не думаете ли вы, – говорил он, – что многие солдаты на самом деле ищут не продолжения борьбы, а долгий покой после всех бурь? Я из таких вот солдат. Я не могу бороться вечно, я чувствую, что и моя энергия рано или поздно закончится. Вот так. Не всегда Анимохе вас смешить.

Тут он начинал дико хохотать, словно невесть как славно пошутил, и так хохоча убегал.

Ничего, насколько мы знаем, он не коллекционировал.

– А что толку, говорил он. Какой смысл в этих коллекциях? Коллекционер, конечно, хочет сохранить свои миры для чего-то вроде вечности. Ему в итоге нужно затянуть в коллекцию весь мир. Хотя конечно даже коллекционер выше художника. Художник – вырождающийся тип, так называемый дегенерат. Только таким отбросам общества, как я, бесполезным лентяям, и пристало быть художниками. Никому из вас я бы не пожелал взвалить на плечи бремя подобного позора. Не берите с меня пример, смертные. Уж лучше, честно скажу, собирать марки. Даже эта низость – добродетель по сравнению с грехом творческого акта. Вам, пожалуй, этого и не понять. Но согласитесь, кто-то просто обманывает самого себя, а чья-то жизнь в целом самообман!

– А что Падишах, – говорила толпа – он-то причем тут?

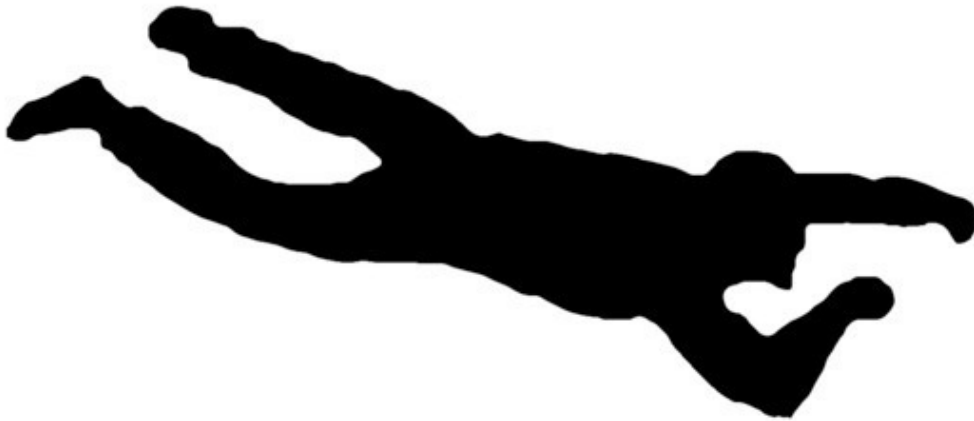
– Вам, – сказал как-то раз Анимоха Падишаху, – нравятся эти концепции только из-за их стройности, но не из-за их истинности. Вы стремитесь сгладить все неровности, в этом конечно ваш пафос, но в этом и ваш минус. Но вернитесь к тому, что принято называть действительностью.

– Ты давай выбирай выражения, – сказал Падишах. Я не обязан сносить от тебя такие оскорбления. Я не собираюсь потворствовать растлению собственных подданных. Ты и так слишком много себе позволяешь...

В принципе, Анимоха вел себя с Падишахом как угодно, все зависело от его настроения. Поведение такого человека, как уже упоминалось, предсказать было невозможно. Не стоит принимать на веру все сведения, которые до нас доходят. Одни говорят то, другие это. Не подогнать его наверно ни под одну характеристику. Один человек вряд ли его опишет нормально, даже в самых обычных и однозначных деталях возможно противоречие. И он не стремится к умышленной оригинальности. Умышленная оригинальность ему претит. Да, не зря при дворе принято выражаться так: «Про Анимоху легче сказать, что к нему не относится, чем то, что к нему относится». Он поразительно легко ускользает от любых словесных характеристик. Понятия не имеем, как так это выходит, хотя собственно и предыдущее предложение является характеристическим. Но никто не сказал ведь, что к нему вообще ничего не относится.

– Поднимайся, угнетенная личность, – говорит себе Анимоха с утра, расправляя свое туловище после сна. Ему трудно вспомнить себя в собственном теле. Пробуждение для него мука, и тут не обойтись без какого-нибудь ритуала, который как раз и скрасил бы эту муку.

Анимоха не понимает, что от него требуется. Вместе с тем, сам он вообще ничего не хочет, разве что лишь покоя.

– Черта ли мне делать с собственным телом? Как от него избавиться? Все, что вы мне предлагаете – все эти варианты служат вашим интересам. Нет уж, я должен поступить по-своему. Своими размышлениями по этому поводу я буду делиться в местной газете. Ведь вы выделите мне для этого особую колонку?

– Чтобы люди читали только твои бредни? Опять тянешь одеяло на себя? Одумайся, я тебя много раз предупреждал: мое терпение скоро лопнет.

Ну, кто же мог сказать это, как не Падишах? Давайте представим, как выглядело лицо Падишаха в момент, когда...

АНИМОХА ВНЕ ЗАКОНА: ОЧЕРЕДНАЯ ПОПЫТКА ПРИСТУПИТЬ К ПОНИМАНИЮ АНИМОХИ ТЕРПИТ ПОРАЖЕНИЕ

За привычку мыслить абзацами по несколько предложений, последние три из которых он произносил вслух, Анимоху, известное дело, побаивались. Падишах считал, что произносимые вслух предложения он репетирует. То есть, их неправильно считать спонтанно родившимися в Анимохиной голове.

Тем более, как можно считать спонтанными мысли человека, всерьез чувствующего несвободу воли. На основании своей веры в несвободу, вернее неверья в свободу, Анимоха почитался за очень хорошего предсказателя. Ни одно его предсказание не сбывалось бук-

вально. Но подогнать уже высказанное толкование к происшедшим событиям он умел мастерски. За это его тоже обвиняли в мошенничестве. Сокамерникам в заключении он всегда говорил, что осужден за мошенничество.

«Уж покруче, чем воровство или ограбление» – добавлял он в таких случаях.

Требовать улучшить условия для заключенных он тоже мог до бесконечности, и, несмотря на свою вялость и безразличие в мирских делах, поддерживал все акции протеста, повторяя, что все это, конечно, совершенно бессмысленно и уж он-то лучше всех знает, какими силами обусловлено. Он говорил заключенным, что, если вдуматься, то он, особенно когда берет на себя роль предводителя восстания, играет только на руку той ситуации, из которой вроде как призван вывести заключенных.

– Однажды, говорил он, – и вам это будет ясно. Память у вас коротковата, не больше одного дня, вот и все.

– Ну а чего тогда с нами связываешься, – спрашивали заключенные.

Как же ему было отвечать? Как не выразишься, все равно никто не поймет.

– Это, – говорил он, – я должен буду, чтобы ответить вам понятно, поглупеть до вашего уровня. Но тогда некому будет бороться с вами за улучшение условий. Вы верите хоть самито, что у вас что-то получится?

Самые сообразительные говорили, что таким образом они оказывают давление на начальство, пытаются его деморализовать. Ну, да точно, ну да ладно, оставайтесь при своем мнении, и знайте, что можете рассчитывать на мою поддержку, пока я не склеил ласты или совершенно не сдвинулся.

Выходит так. Среди заключенных находились люди, которые были физически сильнее Анимохи, и значительно. Спорить с такими он просто побаивался. Да уж, никому не посоветуешь взвесить такого быка, целую гору мышц, не способную в состоянии гнева себя контролировать.

Поражала его черта: страсть к мелким правонарушениям.

– Зачем ты нарушаешь закон по мелочам? Приятно сидеть урывками? – не понимал Падишах. – Сидеть – так сидеть: ограбь банк, раз уж ты так против насилия, и придется проторчать в тюрьме несколько лет. Тогда вот поймешь этих людей, которых постоянно подбиваешь на восстания.

– Не знаю, – говорил Анимоха, наверно, я просто боюсь, что полицейские забьют меня насмерть при задержании. Так оно и случится, я это буквально предчувствую.

– И ты не слишком заблуждаешься. Наши парни на самом деле на это способны; не будь моего указа, что в отношении твоей персоны воспрещено всякое насилие, ты бы уже лежал на кладбище. Как ты до сих пор этого не понимаешь? По деньгам мы тоже слишком сильно тебя не ограничиваем. Начать с того, что ты не делаешь ничего полезного, зато очень сильно вредишь. Тебе мало того содержания которое я тебе обеспечиваю ежемесячно, причем деньги, и неплохие, ты получаешь без унижительной процедуры выпрашивания. Тебе мало и моих подарков; у тебя хватает наглости и с моего, и без моего ведома запускать лапу в государственную казну.

– Все так, мой повелитель, – отвечал Анимоха, – но что поделать, все обусловлено – таким я уродился. Мои потравы, и Вам это прекрасно известно, нисколько не вредят, то есть, они никогда не поведут к изменению более или менее стабильного состояния общества. Всем это нравится, так что и говорить больше не о чем. Смените тему, или лучше помолчим.

– Почему, – сказал Падишах, – с тобой так непросто разговаривать? Слова не скажи, сразу заткнуть пытаешься. Нет уж, изволь-ка меня выслушать. Я хочу говорить. Давно не испытывал такой потребности говорить.

Анимоха слушал, не пытаясь перебивать. На самом деле он не воспринимал смысла слов, и наблюдал только за мимикой Падишаха.

- Ну, что ты умолк? Испугался? Заткнуть меня хотел, тоже мне!
- Да я просто не особо слушал. Повторите, ваше превосходительство, будьте добры...
- Представляю вам моего врага: это Анимоха. Так и знайте – теперь мы враги. Никакой больше лояльности. Анимоха с сегодняшнего дня будет содержаться под стражей.

Мысли анимохи в заключении

«В конечном счете, и математика небескорытна, – думал Анимоха, находясь в заключении. – Какие наши черты запомнятся и сохранятся, а какие бесследно исчезнут, судить не нам. Мы сейчас понятия об этом не имеем».

Анимоха сидит один в камере, в крошечной тьме, и про себя разговаривает с самим собой. Время от времени несколько фраз он произносит вслух. Такова его давняя привычка. Так устроен его организм.

Анимохе бесконечно сильно хочется говорить, и в то же время ему до ужаса совестно! Его заточили в государственную темницу. Как до этого дошло, он и сам не понимает. Что за бред, как такое вообще возможно?

«Может быть, он хочет узнать мою национальность? Впрочем, какая ему разница. Да и мое желание сообщить ему информацию о своей национальной принадлежности он может понять по-своему. Это так для него характерно. Эта его непредсказуемость, это нежелание действовать понятным для окружающим образом. Непонятно поступает тот, кто заходит изда- лека. А если человек обратился к тебе с одной лишь целью – потребовать у тебя денег? Как ты на это посмотришь?»

Последние слова он произнес вслух. Он знал, что его подслушивают, но скрывал от себя понимание этого немаловажного факта. Если знать, что все, что ты скажешь... а почему не решить, что тот кто молчит перед смертью, тоже умирает В УЖАСЕ! Он не осмеливается сказать!

– Я это понимаю, – закричал Анимоха из своего заключения. Я отчасти понимаю, какой неопи- суемый ужас – заключение. Лишение свободы и бешеный ужас, который ни с чем не срав- нить. Что-то типа тотального одиночества. Только тот, кто силен, может быть, и не чувствует среди друзей неопи- суемого одиночества. А друзья реально скрашивают мое одиночество...

Анимоха на некоторое время замолк.

«Пожалуй, это он подхалимничает, подлец, – подумал Падишах. Понимает, оказывается, что я подслушиваю. Или проверяет меня. Отпустить? Ни за что! Какое там отпустить! Крат- кие, но неопи- суемые мгновения. Некоторые вещи подолгу понимать невозможно, как не могут долго существовать некоторые элементы. Кто раздумывает о том, сколько времени можно понимать что-то? Долго ли может осознавать человек, что летит в пропасть?»

– Я в полной темноте лечу в этой одиночке в пустоту будущего. В полной темноте (какой пафос, усмехнулся он горько) мне приходится цепляться за невидимый отсюда мир смысла словами. Я обманываю себя в этой темноте, изображаю, что будто что-то вижу. О проклятье.

Кто там заговорил в ответ? Я не должен был предполагать Падишаха! Это бы полностью опош-лило всю картину. Ужас! Так и оказалось: в этой ужасной тишине я не сошел с ума. Я думал, ко мне спустился дух или маг и попытался со мной заговорить.

– Не пытайся выдать себя за сумасшедшего, – сказал в темноте Падишах, – я знаю, что ты опять изображаешь дурака. Ох, как ты мне надоел со своим пафосом всеобщей абсолютной обусловленности. Что ты там делаешь? Неужели я не ошибаюсь, неужели мои уши...

...а претендуют ли издатели на то, что понимают смысл издаваемых у них книг? Пом-нишь, мы говорили об угрозе уничтожения автором литературного произведения?

– Так и делай впредь, – говорит Падишах: поддерживай мысль своего господина! Не смей самоуправствовать. Даже здесь, в этой тьме и одиночестве ты остаешься в итоге моим поддан-ным.

– Вот какие трагедии были в душах тогдашних узников. Кто из них зауважал государ-ственный закон? Такие власти, как наши, я не намерен уважать. И я не намерен действовать только в рамках закона!

– Что, – сказал Падишах, – ты там еще выдумал? Не боишься? О боже, как летит время, с какой бешеной скоростью. Прошло больше минуты, а мы еще ничего стоящего друг другу не сказали.

– Что, теперь по закону жанра выясняем отношения? Как паршивые политиканы? Я не должен интересоваться подобными вещами, это вне сферы моей компетентности.

Понимал ли Анимоху Падищах

– Может быть, ты на самом деле лишен личной гордости в моем понимании, – сказал Падишах. Вообще не понимаю, куда нас с тобой занесло. Какой-то хаос, трудно сориентироваться.

– Вспомни свое детство, теперь посмотри на себя сейчас, – сказал Анимоха. – Я действительно не поменялся: поменялся ты. Но не надейся, что я скажу, будто бы ты вырос в моих глазах. Ты очень сильно опустился. В детстве я бы не подумал, что ты на такое способен. Какой это в огромном списке...

– Что какой?

– Да номер.

– А.

– Может, перейдем на немецкий?

– А толку-то...

Мы, похоже, пропустили мимо ушей часть диалога: кто знает, куда делось все это время. Очевидно, раз эта речь уже утратила для нас свой смысл, обсуждались несколько тем. А о чем они могли говорить? А вот неизвестно: круг их общих интересов был необыкновенно разнообразен. Если взять даже пределы одной беседы, то нет уверенности, что в один час они не затрагивали меньше двадцати открыто названных тем. И при этом эти они совершенно друг друга не понимали. Падишах запрещал кому-то записывать свои с Анимохой беседы, когда же беседы все-таки записывались, приказывал уничтожить носители или, по крайней мере, не давать читать или слушать детям. Все-таки, тексты бесед всегда попадали в прессу. Это что за отношению к приказу главы государства, ворчал Падишах, но в тайне радовался. То, что он не терялся, как все в стране, уже после одной-двух фраз беседы с Анимохой, было предметом его гордости. При всем своем страхе показаться Анимохе необразованным (он как-то понимал, что Анимоха все-таки не осмелится его выдать) он все-таки продолжал беседу. Наверно, ни в один из моментов беседы ни тот ни другой НЕ БЫЛИ НИ СЕКУНДЫ НА 100% УБЕЖДЕНЫ, ЧТО СОВЕРШЕННО ДРУГ ДРУГА НЕ ПОНИМАЮТ! И ВСЕ-ТАКИ, ОНИ СОВЕРШЕННО НЕ ПОНИМАЛИ ДРУГ ДРУГА: ОДИН НАИВНО ВЕРЯ В ПРОСТОТУ ОКРУЖАЮЩИХ, ПРОДОЛЖАЛ ТЩЕТНО НАЩУПЫВАТЬ НЕСУЩЕСТВУЮЩУЮ НИТЬ АССОЦИАЦИЙ УЧЕНОГО СОБЕСЕДНИКА, ДРУГОЙ ЖЕ ОБАЛДЕВАЛ ОТ ОДНОВРЕМЕННО УЖАСА И СМЕХА: КАК ТЕБЕ НЕ СТРАШНО, ВЕДЬ СЕЙЧАС ТЕБЯ РАЗОБЛАЧАТ! НО ЕСЛИ ВМЕСТЕ С ТОБОЙ РАЗОБЛАЧАТ И МЕНЯ? А ВДРУГ МНЕ ПОРУЧАТ ТВОЮ РАБОТУ? ТЫ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ, ЧТО НАМ ОБОИМ ПРИДЕТСЯ В таком случае перенести? Нет, ты хоть отдаленно это понимаешь?

Раньше у него была привычка: не работать одновременно над двумя мыслями, только над двумя одинаковыми делами. Но две мысли у него не были никогда, только одна после другой. Если в его голове две мысли, противоположные, то только одна после другой, и правильность остается за первой. Эту особенность Падишах называет «законом первенства Анимохи». Анимоха вообще был против демонстрации неверных примеров. Он считал, что хотя любая деятельность безнравственна, но любое публичное действие сакрально, так как может служить примером.

Все-таки, чтобы ничего не делать, и при этом не тронуться умом, в основном Анимоха спал. Врач однажды зафиксировал продолжительность сна в 150 часов; думали, что безумец впал в кому. Ему снился дворик его собственной школы. Это чертово местечко частенько тревожило его сон. Проклятие, не воспоминания толкали его сюда! В мире он не ведал места, где ему хорошо было бы! Это ложь, что он на природе себя хорошо чувствовал! Ничего подобного! Стыдно так себя обманывать! Он ненавидел свои сны едва ли не больше, чем реальность.

Уже известно, что он презирал чувство страха, высшее из чувств, и только смех еще пользовался у него каким-то уважением. Так что, понятное дело, в основном ему приходилось спать. Реальность вселяла в него безумный ужас и смех, то же и со снами. Не могу определить, – говорил он, где хуже – там или тут! Сложно сказать, и там и там тот еще содом, – и заваливался на боковую.

Сентиментальных людей он терпеть не мог, наивных втайне побаивался.

Что же ему снилось? Ужасные картины собственного детства! Он считал, что детство – самое худшее время жизни.

– Несмотря на учатившиеся приступы паники и провалы в памяти, в целом с годами мне становится как-то легче. Хуже детства нет ничего. Я не шучу и не пытаюсь никого шокировать: детство мое было черным; и ответственность за мое детство несу я сам. Все знают мое пристрастие к романам воспитания. Это пришло из юности: если бы не романы воспитания, которые я читал с 17 по 35 лет периодически, черт знает, продолжал бы я еще тут общаться с вами, или уже присоединился бы к тем, кто на данный момент числятся как мертвые.

Надолго ли хватит его собеседника? Да нет, вот он уже уныло бредет прочь.

– Страшно посмотреть в самого себя, – говорит Анимоха где-нибудь на массовом празднике, и горожане мчатся наутек.

– Что это такое с ними, – недоумевает Падишах.

– Как надоела мне эта вечная фальшь, эта пустопорожняя болтовня. Неужели вы до сих пор так глупы? Да этого и быть не может! Люди становятся все тупее и тупее: конечно же, меня

это не устраивает. Любой, кто не понимает, сразу старается установить какое-то субъективное отношение – хорошее или плохое, и делает через это вид что понял – позор. Хотя, кто меня спрашивает. Быть может, прогулка пойдет мне на пользу, – говорит Анимоха, и вдруг вспоминает, что находится в темнице: беседует с невидимым во тьме Падишахом.

– Много я тебе наговорил? Льстил, небось? – говорит Анимоха

– А что льстил? У тебя ведь, пока я тут, именно льстивые мысли на уме. Я знаю, какой ты двуличный: даже перед самим собой научился притворяться бунтарем. Эх ты, я-то по крайней мере открытый конформист! Не смей меня!

– Чего? – взбесился Анимоха. Что угодно, но мой священный цинизм не трогай!

– Вот тебя и задели за живое! Да ты дошел уже до того, что возвел цинизм в ранг ценности! Да, я, конечно, всякое видел, но всему должен быть предел. Где твой вкус? Брат, ты сплюховал.

– Ты думаешь, если разоблачишь меня, я стану неинтересен?

– Ну да, конечно. Ведь все наши тайны и позоры настолько банальны, что кто узнал бы их, тот по-любому потерял бы к ним интерес.

– Да, все-таки, нас может привлекать и познанное. Ну, давай порассуждаем, раз уж пришлось встретиться в такой обстановке! Как притягивает нас непознанное: как тайна и страх, как новое и требующее напряжения. Как притягивает нас познанное: как что-то известное и мирное, безопасное, как покой. При прохождении уже известного приятно вспоминать – это требует определенного умеренного усилия. Только полнейшее однообразие вызывает скуку. А однообразное изменение? Оно, наверно, разовьет тоску по покою.

– Да, я тоже так думаю, – встрепенулся заслушавшийся Падишах, – если вечный странник вдруг устанет, и где-то осядет, до конца жизни ему будет плохо. Или нет?

– Молодой никогда не придет к согласию со стариком. Я не состарился смолоду, и в 75, если здоровье позволит, собираюсь продолжать гнуть ту же линию.

– Почему ты опять переводишь стрелки на себя?

– Потому что единственный образец поведения для меня, а если честно и для всех вас – я сам. Вспомни наш прошлый разговор, что ты мне тогда сообщил?

– Понятия не имею.

Наступила тишина. Мы должны, как можем, помочь друзьям. Чем длиннее, полнее и детальнее наша хронология, тем для них лучше. Наши слова делают наших персонажей все более и более реальными. Анимоха потом подсчитает, кому сколько материала (энергии, времени) посвящено. Мы не пытаемся создать достоверные в логическом смысле картины, отвечающие требованиям так называемого реализма. Мы думаем сегодня о другом. Нам важно создать объемные, хотя и не рельефные, изображения. Рельеф нечто устойчивое, наши модели персонажей подвижны и расплывчаты, потому и более жизненны.

Короче, продолжим.

– Кто в тюрьме отвечает за безопасность заключенных?

– Никто.

– А если я здесь что-нибудь с собой сделаю?

– А вот это уж твое дело.

– А кто из нас ищет поддержки извне?

– Тот, кто живет наудачу.

– А кто ждет поддержки изнутри?

– Тот, кто живет ради счастья.

– Ваше превосходительство, я всегда жил наудачу! Я всегда рисковал – сам не знаю чем!

Никогда не мог понять, чего я хочу, никогда ни к чему не стремился, по крайней мере, не стремился к чему-то определенному. Моя жизнь всегда была крайне разнообразна.

На улице Анимоха наконец понял, почему время отняло у него все романтические иллюзии. Даже огонь его больше не завораживал, воду он воспринимал больше как раствор или гигиеническое средство. Может, на самом деле его интересует только запредельное? И поэтому преступное! Да, тот, кто живет наудачу – в наше время всегда преступник! А чего он ждет от жизни? Пора и делом заняться! Ты живешь как преступник, ты продаешь неосязаемое – по крайней мере, ты это утверждаешь: какую же МАТЕРИАЛЬНУЮ ценность имеет такой занимающий много места предмет как книга?

А что тогда означают отгораживающие стенки шкафа, чего стоит их толщина? Толщина стенок мебели должна быть как можно меньше, вообще предметы должны даже толщиной своей занимать как можно меньше пространства. И конечно как можно больше пространства должно быть внутри. Стены должны быть прочными, но тонкими. И вообще, Анимоха был известным ненавистником вещей.

У него дома всех поражал аскетизм. Никакой почти мебели: только стол и кровать. Кровать необычно высокая: «С детства ненавидел спать на полу: чем выше, тем лучше, лишь бы, конечно, не „пальма“. Огромные окна: „Чем больше света, тем лучше“, хотя меня, братцы, даже свет вгоняет в депрессию».

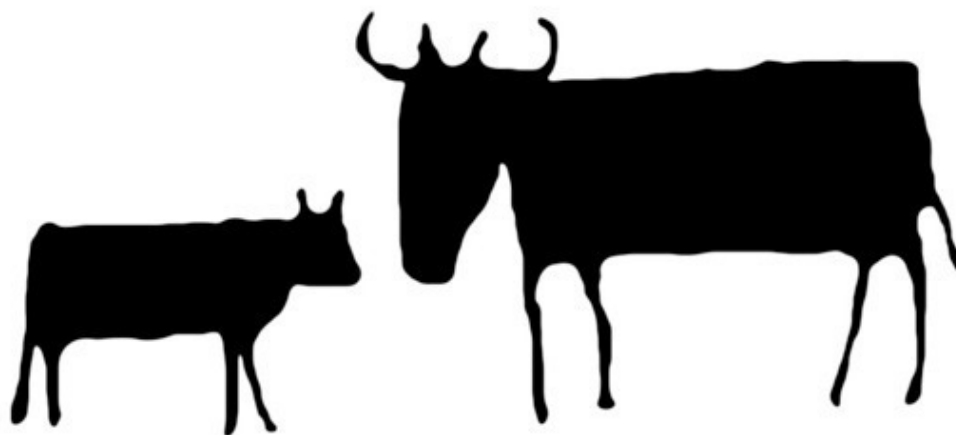
Но не подумайте, что он был вегетарианцем. Чувствую, эта тема не пострадает от недостатка внимания, как это иногда случается с очень важными и интересными мыслями в наше время. Анимоха не особо высоко ставил вегетарианцев. Конечно, он был против убийства животных, но при этом:

– Прежде чем перейти на растительный рацион, попробуйте перейти на первобытный или хотя бы охотничий образ жизни, – говорил он. – Черт подери, да какая собственно разница.

Погибают звери? Они так и так будут погибать. Даже экология, если подумать, в конечном счете, ерунда. Не хочу прослыть мракобесом, но мне порой даже кажется, что, по крайней мере, сегодняшняя экология – ерунда. Она поставлена на научную почву, что ее, я думаю, и подводит. Экология должна стать частью воспитания, а не отвлеченными разговорами. Черт его знает, некоторые вещи в школе действительно объясняют неправильно.

Мало что Анимоха ненавидел так сильно, как школу. Школа, после рождения, пожалуй, второе внешнее зло в жизни, иногда ему так кажется. Хотя ему ещё повезло с родителями – как же живет тот, кто прячется от родителей в школе? Это конечно ненормально, но за то, что происходит в школах ему стыдно.

– Черт поberi, а сколько среди нас малограмотных?

Проклятие, добродушная чушь меня вообще выводит из себя. Я неспособен умиляться даже над живым котенком, чего это я буду умиляться над изображением младенца? Какими родителями вы будете своим детям? Ужасно, никакой наивности, один лед в моем сердце. Мне действительно уже впору стать циником и злым шутком. Проклятье, никакой любви. Разве я имею право себя так вести? О, как ужасно жить без этих иллюзий. С меня словно кожу сняли!

Несчастный Анимоха продолжает свои завывания, мы же полными ужаса глазами снова заглянем в книгу его жизни. Мы смеем надеяться, что не сильно испугали читателя своими замечаниями. Ему-то и в правду...

Разоблачения Анимохи

– Кто? Где мы находимся? О, черт, неужели так оно и есть, неужели и вы знаете эти чувства? Я не могу говорить с вами всерьез. Мне все время то тошно, то смешно, то страшно. Да не будь мне так дурно, разве я спал бы так много? О, конечно же, нет! Я должен рассказать вам о тех, чьими именами вы прикрываетесь, очень многое! Я вижу их как людей, и это меня пугает. Я вижу, что управляет этими словами, именами. Некий невидимый общий смысл, так это назвать, что ли? Как мал диапазон наших чувств и ощущений! Как этого недостаточно. Мой организм искал новый выход; нашел же его в безумии. Можете сказать, что это наказание. Смотря, на чей вкус, что, по-вашему, хуже, безумие или смерть? Я не хочу предоставлять никому те чувства, которых у меня нет. Хуже всего то, что современный человек, пожалуй, не имеет и сентиментальных чувств – мне придется предположить, что он их только симулирует. Или нет? Ответить трудно. Да, все, на что я способен – это сентиментальность. Никого я не презираю как самого себя, и именно за эту сентиментальность. Не знаю уж, что мне мешает презирать и окружающих, причем больше самого себя, да, не знаю, что это мне мешает. Да, видимо, и не мешает, раз я об этом заговорил.

Да, мы рискуем оскорбить общественность! Мы понимаем, что Анимоха выражается очень неполитично. Тот, кто показывает всегда торжество зла, тот сам, в итоге, скорее всего за зло.

– Желать зла – вот это я еще понимаю. Всегда болеешь в тайне за плохих. А как могут показывать плохого, как не в виде автомата? Это в комедии нет хороших и плохих. А смерть не должна сопровождаться смехом.

– Опять ты ломаешь комедию, злосчастный! Где твоя совесть?

Расскажем еще немного про Анимоху. Что именно вас может заинтересовать? Не делая предположений, заявим сразу, что юридически особой властью он не обладал. Однако фактически его прорицания действовали на народ завораживающе: почище любой рекламы. С ним и держались как с оракулом.

Он жил в уединении и имел очень узкий круг общения. По городу он боялся передвигаться: все места казались ему напоминаниями о каких-то детских травмах. Он боялся своего детства и снов. Детские воспоминания мучили его всю жизнь. Он записывал собственные сны и тут же сжигал написанное, если не терял. Записям он не придавал никакого значения. Так говорили все – это была его черта.

Работать руками он ненавидел, но иногда ни с того ни с сего брался за тяжелую и грубую работу и работал с остервенелым удовольствием. Но, получив деньги, быстро терял к работе интерес. Вообще-то, у него был какой-то недостаток, иногда у него вдруг появлялось помногу, и он тратил, не глядя.

Но невозможно было бы представить Анимоха за рулем автомобиля. История о попытке устроиться водителем – ошибка или заведомая инсинуация. Он и на велосипеде-то ездить побаивался. Стоять в очереди ненавидел, заходить в магазины – тоже.

Сегодня он не мог обсуждать некоторые вопросы всерьез. Чего обсуждать, когда нужно действовать. Хотя молчание и бездействие выше всего. Действие, связанное со словом, если оно не сакрально, является безнравственным. Тот, кто говорит сам с собой – лицемер, кто на людях – негодяй; тот, кто говорит сам с собой, но внешне делает вид, что говорит с собеседником, то есть, отвечает на свои же вопросы – преступник и подлежит заключению под стражу.

Ты накапливаешь стаж безделья; кстати, пожалуй, не разбогатеешь, но, не спившись и не уработавшись, ты сохранишь свежесть восприятия и остроту глаза до старости. Это было бы здорово, доживем ли вот только мы до старости?

Мы бы не стали задавать подобные вопросы Анимохе.

В это время на площади происходил разговор между Падишахом и Анимохой. Мы не можем сказать, о чем они беседовали, но разошлись необычайно довольные. Возможно, они что-то замышляют. Мы знаем нрав Падишаха: этот любит преступление больше Анимохи раз в сто. Причем именно уголовное, а не политическое. Анимоха же всегда с любопытством следил за его проделками,

Анимоха терпеть не мог холод. Жару еще как-то, а холод – когда-то. Трудно понять, что человеку, если он задумается, скажет предыдущая фраза.

АНИМОХА: НЕПРЕДВИДЕННЫЕ СЛОЖНОСТИ

Ни одну вещь Анимоха никогда не назвал бы родной. Даже любимые книги казались ему чужими. Но самая чуждая в его жизни вещь была – собственное тело.

– Только не телесная умеренность, – говорил Анимоха, – и не потворство собственному телу. С телами окружающих я обязан вести себя по-джентльменски, но вот мое собственное тело я жалеть не намерен. Что мне с тобой делать, презренный раб природы? Не убоишься ли ты тех бесчисленных испытаний, которым я намерен тебя подвергнуть? Нет? А зря. Я бы на твоём месте уже трепетал – трепещи же!

– Иногда мне кажется, – продолжал Анимоха вслух, – что все мои проблемы – из-за памяти. Вся моя жизнь в моей голове как на ладони! О, черт подери. Как это мучительно! Даруйте же мне забвение! Или нет, нет, только не забвение!

Все-таки я вынужден согласиться с тем, что ненавижу тьму больше света. Свет только выбивает меня из колеи, тьма же на самом деле пугает. Один пройти по темной улице я не способен; мне приходится спать при свете.

Короче, дело в том, что Анимоха отказался давать показания. Нет, ничего подобного. Сей, как говорится, доблестный муж, находясь в камере, сказал стражнику, которого уполномочили командовать допросом: «я показаний давать не намерен».

Как, по-вашему, какие показания собирались выуживать у Анимохи? Да, не следует сомневаться, что никакие показания не испортили бы его репутацию. Ему не сложно было наговорить о себе что угодно. Все отлично знали, какие байки он о себе рассказывает, и поддерживали эти мифы. В результате, было бы сложно отделить, как говорится, правду от лжи. То, что у него финансовые затруднения, и так все знали. Но еще больше его пугала возможность утраты компетенции. Я, говорил он, должен быть в авангарде всех ведущихся исследований. Иначе – зачем же мне жить? Во всех исследованиях меня привлекает только самое ненужное и бессмысленное – только такое имеет в моих глазах какую-то ценность. То есть то, что остальные отвергли.

Анимохина неподкупность и прямолинейность

Нда... чего это он разговорился? Много, поди, выболтал? Много вслух сказал? Трость, смокинг? Да, думал про это. А как он это выразил? Ну, сказал что предпочитает строгий стиль, не любит современной моды. Ну да, и он не соврал.

– Хоть я и не припомню, что говорил такое вслух, но именно такого мнения я придерживаюсь.

Падишах:

– Анимоха, не ломай комедию!

– А кто ломает? Какие еще показания? Я говорю только по собственному желанию, и только то, что хочу говорить, ни больше ни меньше. Ваш закон для меня ничего не значит. Можете сравнить меня с огнем пожара: вы, организовавшись, убьете огонь пожара! Но пожар никого не спрашивает разрешения, он действует так, как ему хочется. Да, он действует обусловлено, но перед нами он свободен. Вот и я так, ребята! Что, записываете??? Записывайте, черт подери! Я сказал, прекращайте записывать тот бред, что я перед вами несу! Я не хочу, чтобы когда-нибудь мне кинули обвинение в растлении нравов! А ведь так и случится! Да, так оно однажды именно и случится! Я это знаю наперед.

Ох, что я тут наговорил... дайте мне прийти в себя...

Падишах (в сторону): да у него истерика! Что это с ним. А если сейчас начнется припадок? Я лично не готов оказывать ему первую помощь. Как-то, помню, мне представился случай оказывать первую помощь эпилептику. Как я себя повел? Растерялся! А что я мог бы сделать? Врачи, и те порой теряются. А представь, человек боится вида крови? И видит такое! Поневоле растеряешься! Да уж.

– Ты жив?

Анимоха (слабо):

– Вроде бы да. Агония длиной в мгновение? Что со мной было?

– Ты здорово нас напугал.

– Я еще выпью шампанского, – говорит Анимоха Падишаху.

– Ну, ты вымочил, – отзывается Падишах, – делаешь вид, что спрашиваешь у меня разрешения?

– Да нет, я тебя предупреждаю!

Что у тебя останется, если исчезнет любознательность? Можно поинтересоваться, как ты умудряешься делать одновременно два одинаковых дела?

Да, остановить его было сложно: вслух он говорил охотно и подолгу. «Какая скромность, – удивлялся он на свою аудиторию. – Я несу такой вздор, что самому стыдно».

Он не льстил своим слушателям, а с огромным удовольствием говорил им гадости. «Да как меня еще не остановят». Он хотел спровоцировать у слушателей какие-нибудь сильные эмоции. Как его следовало понимать? Стать, как говорится, «жертвой народного гнева» и врагу не пожелаешь. Он с горечью вспоминал подобные случаи, и переживал так, будто их жертвами стали его кровные родственники. Сегодня Анимоха идет в присутственное место. Что он там будет врать? Следовательно, говорят, женщина неплохая. Но черт подери, сколько все эти нелепые формальности займут времени? Он всего лишь свидетель, или скорее уж лжесвидетель.

– А если тебя вызывают в качестве обвиняемого? А представь себе, чтобы милиция была бы таким же опасным местом, каким были органы при Советах?

– Я сейчас об этом думал, – сказал Анимоха. – Вам везет, что Падишах строго настроено запретил мне заниматься политикой. Боюсь подумать, куда я утянул бы страну, развяжите вы мне руки. Или, может, (в сторону) протянуть им свои несвязанные руки и предложить связать?

Анимоха подумал, что сейчас его обвинят в умении понимать каждую свою фразу дважды (как делать два дела одновременно). Дело в том, что дальше возможны два варианта развития событий. Как вы сами думаете, что произошло? Хотите ли вы видеть продолжение светлым или мрачным? К тому же, что-то подсказывает: советы тут недопустимы, если мы хорошо помним, что было на самом деле, что произошло дальше, мы должны сами это описать.

Наболтал какой-то невнятицы и рад, думает Анимоха про себя и одновременно прикидывает, сколько фраз осталось до конца мысленного абзаца, потому что последние три фразы он всегда произносил вслух!

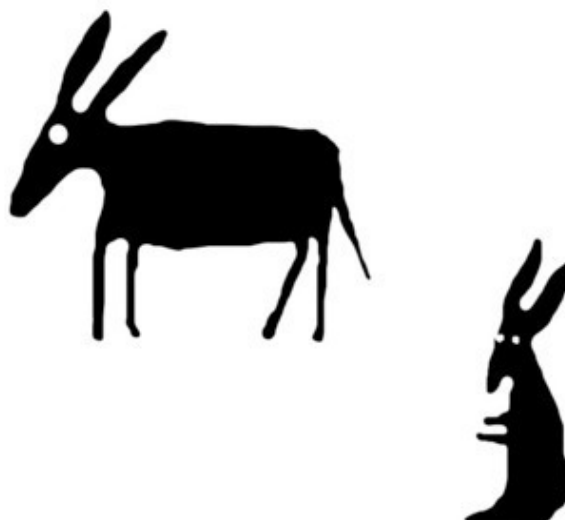
– Беда, если я начну критиковать собственную речь своими же словами. Если, допустим, я дам своей путаной речи такое же путаное, если даже не сложнее, толкование, то все воспримут это как должное. Но если я скажу, что о ней думаю, на можно сказать их языке, пожалуй, меня не поймут еще больше.

Толпа уже смотрела на Анимоху с удивлением. Так и не привыкли к его замашкам за столько времени.

– Сейчас захохочет! – говорит один,

– Нет, говорит другой, сейчас убежит или уйдет на цыпочках и крадучись! Смотри, уже руку поднял!

– Сейчас он... – крикнул наудачу кто-то из толпы, – и в следующий миг все увидели, как Анимоха превратился в зайца, и в два прыжка исчез. Крик застрял у зеваки в горле: пусть кажется слишком пафосным, но как написано, так и оставим!

Куда делся Анимоха? Нам этого пока не узнать, посмеемся же над незадачливыми зеваками. Да, он уже обращался в зайца, кричал один, другой вторил: были случаи! Да уж, если у него такие способности, чего ему бояться суда? Да он и так вечно торчит в заточении. Что его вообще туда затягивает? Ворует по мелочи что ли, или хулиганит? Да не, говорит другой. Его тянет туда сдуру: он, видите ли, хоть и понимает, что это совершенно бессмысленно, подбивает заключенных на всякие бунты. Я что-то подобное слышал, или читал об этом заметку. Точно заметку (обширная цитата). Да, но ты мне не все этим объяснил. А что еще? А он умеет передавать свои способности? А тебе зачем? Ну как, интересно ведь... НЕ СВЯЗЫВАЙСЯ, говорю тебе. Это не доведет до добра. Ну, хорошо, уговорил. Зеваки постепенно начинают расходиться.

Черт подери, может однажды читатель этих хроник обвинит автора в чрезмерной симпатии к своему персонажу. Но как тут можно оставаться беспристрастным?

– Давай еще что-нибудь загни! Интересно тебя послушать.

– Ты что, надо мной издеваешься? Я, по-твоему, шут – тебе на потеху разговаривать?

– А ты что, хочешь, чтобы я у тебя каждое слово вымаливал! Я хочу говорить, черт подери!

Кто-то с места:

– Падишаха наслушался, подражает!

– Пошли вы к черту! Какие подражать проклятые? Я вам покажу – подражаете!

Это Анимоха разошелся на пиру во дворце. Разошелся он так потому, что Падишах оплатил пир, а сам уехал за границу. За его спиной, как нетрудно догадаться, происходит невообразимое. Все разговаривают одновременно, и никого в отдельности не поймешь.

Что за околесицу они несут, – подумал Анимоха. Хотя можно предположить, что услышанное для него что-то значило, и мысль про околесицу он продумал чисто для отвода глаз. А можно еще предположить вот что: в магазине Анимоха, не будучи силен в арифметике, не пересчитал сдачу, но сделал вид, что пересчитал, чем вогнал продавщицу в краску. Выходя на улицу, он подумал: компенсация в виде материально выраженной сдачи как энергии с энергией затраченной шеей продавщицы, чтоб вогнать ее лицо в краску.

Очень странный день. Второй раз меня сюда заносит. Это каким несознательным надо быть, чтобы все время действовать автоматически? Мне надо поменять свойства собственного тела, а не ума. Тело, тело, вот в чем проблема. Что мне с ним делать, черт подери? Эй, негодный раб, что мне с тобой делать (и тут же отвечает себе измененным голосом, якобы от имени собственного тела): Мой повелитель, вы до такой степени погрязли в подхалимстве и подра-

жании Падишаху, что говорите со мной его словами! Разве не так? Молчать, презренная материя, я не намерен с тобой церемониться! Сейчас пойдем прыгать с моста, причем на камни! (измененным голосом) Ну-ну, как же, так ты и не испугался! Да ты даже совсем пьяный как-то побоялся прыгнуть в речную воду зимой! Я хорошо помню этот случай – каким сильным было твое искушение. Молчи презренный, снова кричит Анимоха. Не смей перечить, какой у тебя разум? Куда мы этак придем, к чему? Мне как-то посоветовали заняться каким-нибудь изнурительным трудом: якобы так у меня отношение к собственному телу изменится. Не знаю, физический труд действительно отупляет, а уж чего-чего, а отупеть я совсем не хочу. Вот уж чего я не хочу, так это отупеть за просто так. Я больше думаю, мне еще повезло, судьба всегда была ко мне так участлива. На что тебе вообще жаловаться? Да прекрати же ты спорить вслух сам с собой! Ты ведь вечно о вреде слов и разговоров с самим собой говоришь!

Анимоха надолго умолк. Оделся и вышел на улицу. Какие его подстерегают приключения? В данный момент никто этого не знает. Будем следить за ним из этого окна. Ого, скрылся из виду. Что теперь, броситься вдогонку? А если подумает, что шпионим? Нет, не следует, пускай идет. Можно просто сказать несколько слов от себя. Без этих слов не назовешь полной нашу хроника. Кажется, что с Анимохой происходит что-то. Кто это понимает, кто заметил? Кажется, его линия судьбы спиралью заворачивается.

Не пытайтесь избегать сухих описаний, мне лично как раз сухие описания и нравятся. В диалогах меня не устраивает их сырость, ну а приглаженные диалоги кажутся неестественными. Да, на тебя не угодишь. Только бред в диалогах у тебя недалеко ушел от бреда в описаниях. В высшей степени противоестественно выражаешься!

Не добавляй для смеха в слова лишних букв. Но и не укорачивай, как будто обиженный. Кто пытается сократить слова? Тот, кто обижается. Удлинить? Тот, кто рад. Короля счастливые придворные торжественно приветствуют полным именем. ЗЭКа называют вообще по номеру – полная редукция.

Попытаемся найти с нашими героями общий язык

Выходят Анимоха и Падишах, оба в чёрном.

Начинают перебранку. Их голоса едва слышны, мы не можем как следует разобрать, о чем зашла речь. Размахивают руками, качают головами. Сейчас что-то произойдет, говорит конферансье. Давайте зрители, выбирайте варианты. Что предложит читатель?

Приблизить сцену, чтобы расслышать голоса? Сменить декорацию? Заставить наших героев перейти на Русский? Ничего этого не будет! Занавес закроется.

Переходим к следующей сцене.

Как же много уже сделано для непонимания нашего персонажа! Но как мало между этими разрозненными описаниями соответствий! То-то будет работенка будущим исследователям! Как будут смотреть на подобные нестыковки ученые?

Умерь свою гордыню, ничтожный!

Я всегда был антифеминистом, – заключил Анимоха, – притом, что никогда особенно не страдал от женщин. Скажу так: мне, возможно, очень повезло, но женщины на самом деле для меня много не значат.

НЕ ПРИВОДИТЕ МНЕ ТАКИЕ АБСТРАКЦИИ КАК...

Ежедневное (не воскресное) издание газеты «Нью-Йорк Таймс» содержит больше информации, чем средний англичанин 17-го века усваивал за всю свою жизнь.

Покажите мне, как это выглядит, по-вашему, на деле.

Что он усваивает и как? Опасно клевать на подобные уловки!

И вообще будьте осторожнее с фактами. А что делать, если всюду абстракции? Как быть? Перестать обобщать начисто? Пожалуй, что да. Не знаю. Всеобщие законы на самом деле до добра не доводят. Я говорю, действуй по своей вере: то, что ты делаешь, и есть то, во что ты веришь. Объяснять не надо, сами, что нужно, поймем.

– Ну, наконец-то. Теперь-то он обозначил свою позицию.

– Ничуть не бывало. Ты что, купился: Да он никогда не скажет то, что думает.

– А вот и скажу. И скажу.

– Чего? Помалкиваем? Сейчас он будет говорить. Ха-ха!

Что? Ну, слушаем...

Анимоха открывает рот, как будто готовится произнести речь.

– Сегодня, уважаемые... а нет, я не про это. Итак, разрешите мне сказать... короче, выслушайте мое сообщение.

На местах ропот: ему нечего сказать... а вы как хотели... да не, сейчас скажет...

Анимоха:

– Ну это... вы, как это сказать...

На местах:

– Смотри-ка ты. Что это с ним? Обычно разливается соловьём, а сегодня двух слов связать не может.

– Уважаемые граждане...

Сейчас будет говорить.

И на самом деле, несмотря на заминку в начале, Анимоха в тот день произнес замечательную речь, которая произвела на нас неизгладимое впечатление. Что он сказал, записано и в свое время будет предано гласности. Толпа кричит: мы не позволим...

Ладно, хватит об этом. Короче, конспект речи однажды будет опубликован в газете, остальное неважно.

Проклятье, ведь надеяться совершенно не на что. Решительно и бесповоротно!

– Какие еще, черт подери, татуировки? Да меня вид собственной руки пугает, а ты еще что-то наколоть на этой руке предлагаешь. Это прямо-таки смешно.

И вообще не желаю иметь никаких примет.

Не знаю, я вообще хочу избавиться от любых индивидуальных черт. Но не изничтожиться. Хотя, с другой стороны, какая разница. Хуже просто уже ничего и не сделать. Ох, не знаю. Не знаю, чем эти ваши затеи обернутся. Но подлинной ценностью обладают те действия, на которые ты решился по собственной инициативе. А если мы начнем отстаивать идею отсутствия собственного? Игрушка в руках бешеных страстей, о проклятье, неужели это так и есть? А что, на то как раз и похоже. На то и похоже. Черт подери, куда мне спрятаться.

Падишах:

– Ты занят, Анимоха?

– А что? Нужно помочь по ремонту?

– Оставь свои шуточки, паяц. Ты знаешь, как сегодня шатко твое положение. Кончилась коту масленица. Ничего у тебя не получится. Ты только будешь напрасно терять время. Вот и сходил, вот что страшно: время прошло, но ничего, клянусь, ничего в мире не изменилось. Все остается по-прежнему, и событие, опираясь на которое ты жил последние дни, наконец в прошлом: но решительно ничего оно не принесло. Ничего, время унеслось, ты ничего решительно не понял – погляди на это беспристрастно, вообще без всяких эмоций. Ты сам мог бы обеспечить себе еще более неприятные переживания, чем эти.

– Чего, – сказал Анимоха в ответ Падишаху, – сосчитать дни моей жизни? Я не хочу. Больно надо.

- Ничего у тебя не получится. Или получится все-таки, как думаешь?
- Не трудись открывать рот. Сам подумай, как нелепо и старомодно все, что ты говоришь.
- Ах ты, чертов скептик. Найдешь ли ты хотя бы след мысли в моих ощущениях?
- Отчитывайся перед самим собой в испытываемых тобой эмоциях, причем непрерывно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.